F 54/218

54
218

О ПРАВѢ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ,

КАКЪ ОСНОВѢ

ДЛЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ.

Было время, когда въ Европѣ почти бредили англійскою конституціею, которая служила образцомъ для политическаго устройства многихъ державъ Европы. Но впослѣдствіи оказалось, что англійская конституція непереносима на чужую почву, будучи продуктомъ исторической жизни англійскаго народа, и что у каждой націи государственное устройство должно развиваться изъ собственной ея исторіи. Оказалось далѣе, что вообще слишкомъ много придавали значенія англійской конституціи и правамъ чисто политическимъ, опустивъ изъ виду государственное управленіе, имѣющее повсюду громадное вліяніе на всѣ права гражданъ, даже на права политическія. Тогда снова обратились къ Англіи и открыли въ ней еще институтъ Selfgovernement, который въ наше время составляетъ также предметъ общаго вниманія, общаго желанія, общаго исканія, такъ что можно сказать, что въ наши дни бредятъ уже не конституціею, а самоуправленіемъ, англійскимъ Selfgovernement.

Для лучшей оцѣнки явленія и дѣла, мы выносимъ вопросъ изъ широкой и неопредѣленной области самоуправленія и ставимъ его въ извѣстную сферу права, дополняя понятіе самоуправленія другимъ — *самостоятельности, или автономіи*. Область права!—Но что это за область? Какъ романисты, т.-е. изучающіе преимущественно римское право, не вполнѣ охотно признаютъ достоинство правъ національныхъ

М.П.М.

и силятся доказать, что римское право должно быть исходнымъ пунктомъ для изученія правъ національныхъ и существеннымъ ихъ мѣриломъ или образцомъ, такъ и вообще цивилисты, т.-е., занимающіеся гражданскимъ правомъ, почти отрицаютъ титулъ права у другихъ системъ права, уголовнаго, государственнаго, административнаго, финансоваго, церковнаго, и выраженія: юристъ, юридическій, юриспруденція почти исключительно относятъ къ гражданскому, имущественному праву. Государственное, финансовое, уголовное право имѣютъ ли что нибудь схожаго съ правами лицъ на ихъ имущества? Государство имѣетъ право облагать подданныхъ поборами и повинностями, равно какъ наказывать ихъ за проступки и преступленія штрафами и наказаніями. Но что же это за право? Нужны государству тѣ-другія средства—и оно учреждаетъ налоги и взимаетъ тѣ-другія пошлины; находитъ государство вредными тѣ-другія дѣйствія, оно запрещаетъ ихъ и потомъ караетъ ихъ совершителей. Какое же соотвѣтствіе можетъ существовать между этимъ правомъ государства и властію лица на его имущество, въ формѣ собственности, владѣнія, наслѣдованія? Но всего произвольнѣе представляется уму цивилиста самоуправленіе и уже вовсе неосновательнымъ предположеніе о правѣ самостоятельности или автономіи, хотя бы напр. земства. Такъ расходятся—не скажу теорія и практика,—а школа и жизнь, жизнь, долженствующая расширять узкія рамки школьныхъ положеній.

Есть предразсудки въ жизни, но они существуютъ и въ наукѣ, особенно въ той, которую опредѣляютъ общимъ мнѣніемъ ученыхъ: communis opinio doctorum. Предразсудки въ наукѣ составляютъ результаты школы, которая вся держится авторитетами и постоянно твердитъ: наука, современная наука, послѣднее слово науки, т.-е. извѣстной массы писателей и ученыхъ по извѣстной части. Предразсудки, думаю, существуютъ даже въ натуральной исторіи, напр., въ зоологіи, которая между прочимъ разсказываетъ про нравы животныхъ, напр. бегемотовъ,—про нравы птицъ, напр. ласточекъ,—про нравы букашекъ, таракашекъ и т. д. Впрочемъ здѣсь

2007043222

почти извинительны предразсудки, или непровѣренныя повторенія словъ того автора, который одинъ лично наблюдалъ за бегемотами, ласточками, таракашками и т. д. Нельзя же каждому все въ природѣ провѣрить собственнымъ наблюденіемъ. Но въ области права необходимо, чтобы каждый передумалъ самъ все то, что утверждаетъ. Тутъ предразсудки неизвинительны. Между тѣмъ въ какой части права нѣтъ такихъ предвзятыхъ положеній? И не были ли западные юристы принуждены къ тому самымъ актомъ рецепціи римскаго права? Не отъ того ли акта идетъ положеніе, что jus romanum est ratio scripta, что по его образцу должно составлять всякое гражданское уложеніе и оттуда выводить всякое объясненіе? Западная Европа раньше нашего стала заимствовать гражданскіе законы у Римлянъ, а политическіе у Англичанъ. Заимствованіе же повсюду означаетъ отреченіе отъ своего и даже отъ своей свободы,—откуда происходятъ узкость, нетерпимость, а наконецъ притязательность разныхъ ученыхъ воззрѣній. Не замѣчаютъ романисты, что жизнь уходитъ далѣе ихъ нормы; не замѣчаютъ цивилисты, что жизнь шире ихъ положеній.

Къ числу подобныхъ явленій жизни принадлежатъ вопросы о правѣ самоуправленія и автономіи, или самостоятельности, которые очевидно разрушаютъ старую теорію субъектовъ права. Въ одномъ мѣстѣ этого журнала мы вели рѣчь объ объектахъ; теперь приходится критически отнестись къ ученію, установившемуся относительно субъектовъ. Пользуемся сочиненіемъ профессора Берлинскаго университета Барона для возстановленія стариннаго ученія о субъектахъ (Pandekten Baron's, Berlin, 1872).

Не говоря уже о томъ, что пандектистъ толкуетъ въ своей системѣ вообще о правѣ, т.-е. о всякомъ правѣ и вообще законѣ или обычаѣ, не ограничиваясь правомъ гражданскимъ, имущественнымъ, ученіе пандектиста о субъектахъ явно имѣетъ задачею опредѣлить субъектъ всякаго права, отъ гражданскаго, уголовнаго до государственнаго. Это ученіе начинается вопросомъ о правахъ въ субъективномъ смыслѣ и прежде всего ученіемъ о субъектахъ, такъ называемыхъ у

нѣмцевъ Rechtsträger, а у нашихъ авторовъ — *носителей права*. „Такъ какъ всѣ права, говоритъ Баронъ, существуютъ для человѣка, то первоначально человѣкъ почитается этимъ субъектомъ, иначе лицомъ,—и только человѣкъ.“ Отсюда выходитъ, что субъектъ правъ носитъ два названія—человѣка и лица. Почему же въ наше время, столько толкующее о правахъ человѣка, о правахъ человѣческихъ и человѣчества, пандектисты все еще твердятъ о лицахъ, а не о людяхъ? Лицо есть выраженіе искусственное, техническое, школьное, историческимъ преданіемъ вошедшее въ школу, а затѣмъ и въ обыденную жизнь. У Римлянъ говорилось: de jure personarum,—и мы говоримъ: о правѣ лицъ. Но латинское: persona, имѣющее всю связь съ словами: sonare, personare—звучать, звучать громко, внятно,—весьма вѣроятно, противополагалось всему невнятному, неясному въ языкѣ, что обозначалось у Грековъ названіемъ βαρβαρος, а у Римлянъ—barbarus,—по нашему нѣмецъ, въ противоположность словенину, понятному, ясному, удобослышимому. Во всякомъ случаѣ persona выражаетъ въ себѣ узкое значеніе субъекта, которымъ могъ быть Грекъ и Римлянинъ, а не варваръ, а слѣдовательно и не рабъ, образовавшійся, какъ гласитъ преданіе, изъ плѣнныхъ иноземцевъ. Отказать варварамъ и рабамъ въ ихъ значеніи человѣческомъ было невозможно, тогда какъ лишить ихъ правъ лица было весьма натурально. Впрочемъ, это дѣло исторіи; въ наше время человѣкъ признанъ повсюду и вполнѣ за субъектъ права. Почему же нужно школѣ удерживать свое узкое выраженіе лица? Потому что это—отвлеченіе, которое можетъ съуживаться и расширяться, по произволу. Римляне съуживали это понятіе; новѣйшіе ученые расширяютъ. „Настоящее общее право знаетъ расширеніе лица, допускаетъ дѣленіе на естественныя и юридическія,“ говоритъ Баронъ. Конечно, нельзя говорить о человѣкѣ естественномъ или юридическомъ, а тѣмъ менѣе о физическомъ или идеальномъ, фиктивномъ, моральномъ, какъ это дѣлаютъ съ лицами. Такимъ образомъ далѣе рядомъ съ дѣйствительнымъ лицомъ, человѣкомъ получается лицо юридическое, фиктивное — fictio. И не смущается воображеніе

пандектиста при выраженіи, по которому его фиктивный субъектъ, этотъ его носитель правъ, долженъ раждать только фиктивныя права, немыслимыя при другомъ выраженіи—человѣкъ, который есть реальность и творитъ одинъ реальныя права.

„Человѣкъ, говоритъ Баронъ, самъ опредѣляетъ тѣ цѣли, для которыхъ должны служить его права. Но есть цѣли, которыя переживаютъ отдѣльнаго человѣка, есть цѣли, которыя переживаютъ цѣлыя поколѣнія людей.“ Эти цѣли, вызывающія въ той или другой формѣ общеніе имуществъ разныхъ лицъ, уравниваются съ лицомъ и представляются какъ бы лицами, но лицами вымышленными, фиктивными. Эти-то вымышленныя лица, иначе цѣли, суть юридическія лица, къ которымъ пандектисты относятъ: 1) государство и казну, 2) политическіе союзы, каковы общины, провинціи и т. п., 3) отдѣленія войскъ, напр. легіоны, 4) религіозныя общества, напр. жрецовъ и жрицъ, 5) общества служащихъ,—писцовъ, декуріоновъ и т. д. и т. д., заключая учрежденіями для достиженія дозволенныхъ цѣлей, каковы: piae causae — наши богоугодныя учрежденія. Соображеніе всѣхъ этихъ явленій жизни, собственно римской, съ ея легіонами, жрецами, piae causae даетъ пандектистамъ право раздѣлять юридическія лица на два рода: на корпораціи и на учрежденія, даже съ пропускомъ современныхъ компаній, страховыхъ, желѣзнодорожныхъ, или подобныхъ англо-индійской, россійско-американской и т. п. Но спрашивается: государство принадлежитъ ли къ корпораціямъ или къ учрежденіямъ; а община сельская, или городская; а уѣздъ, или губернія и область? Кто же въ наше время назоветъ государство корпораціею, губернію учрежденіемъ, или корпораціею, или даже полкъ отнесетъ къ корпораціи, или къ учрежденію? Но какъ бы вы ни назвали эти существа, по ученію пандектистовъ всѣ они остаются фикціями. Государство есть фикція, область и земство—фикція, Лондонъ, Парижъ, Москва—фикціи, богоугодныя учрежденія—фикція, народъ—фикція. Не эти общества существуютъ, по воззрѣнію пандектистовъ, а только ихъ цѣли, для которыхъ лица физическія работаютъ въ каж-

дый моментъ существованія юридическаго лица. Что же послѣ того лица физическія? Конечно, средства для извѣстныхъ цѣлей, или объекты! Куда же мы придемъ съ такимъ построеніемъ? Между тѣмъ это построеніе юридическаго лица признается самымъ лучшимъ, потому что оно сообразно съ римскими источниками права,— quellenmässig!

Но пусть все это будетъ фикція; посмотримъ, допускаютъ ли пандектисты особыя права въ пользу ихъ фиктивныхъ субъектовъ и допуская, излагаютъ ли ихъ въ своихъ системахъ? Принявъ на себя рѣшеніе всего вопроса о субъектахъ права, да производя всѣ права изъ воли и существа субъектовъ, пандектисты должны были изложить всѣ права какъ физическихъ, такъ и юридическихъ лицъ. На дѣлѣ пандектисты говорятъ только о правахъ имущественныхъ своихъ субъектовъ. Положимъ, что они правы, съуживая такъ свою программу, но тогда по крайней мѣрѣ, они подробно, полно и отчетливо изложатъ всѣ права имущественныя своихъ субъектовъ, физическихъ и юридическихъ лицъ? Къ удивленію, мы не находимъ, чтобы въ пандектахъ излагались права юридическихъ лицъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ правъ вещныхъ, куда они относятъ dominium или собственность, servitutes или повинности, emphyteusis или вѣчную аренду, superficies или право наемщика изъ постройки, или для постройки и hypotheca или залогъ. Не забудемъ, что всѣ права эти относятся, почти исключительно, къ землѣ, которая одна несетъ servitutes, emphyteusis, hypotheca etc. Спрашивается, имѣетъ ли юридическое лицо право собственности въ своей землѣ? Пандектисты отвѣчаютъ на вопросъ положительно, т.-е. утвердительно, выражаясь напр. такъ: „корпорація есть хозяйка, или собственница вещей, или объектовъ, назначенныхъ къ достиженію цѣли.“ Въ то же время собственность опредѣляютъ они „полнымъ и исключительнымъ господствомъ лица надъ вещью“, до отчужденія, до уничтоженія вещи. Итакъ, по ученію пандектистовъ, государство можетъ подарить, отдать въ приданое за принцессой, или продать свою землю, свою территорію, заложить ее или уничтожить, равно какъ городъ и провинція имѣютъ по этому

также право подарить, продать, заложить, уничтожить ту землю, на которой они существуютъ и живутъ. Это немыслимо, а такъ выходитъ изъ даннаго въ пандектахъ построенія понятій. Объясненіе дѣла заключается въ томъ, что хотя пандектисты говорятъ объ юридическихъ лицахъ, но правъ ихъ въ своихъ системахъ не излагаютъ и даже въ области имуществъ имѣютъ въ виду одни физическія лица. Этого мало. Надо прибавить, что пандектисты намѣренно объявляютъ субъектомъ правъ не человѣка, а лицо, личность, индивидуальность, которыя для нихъ служатъ исключительными носителями права. Назвавши субъектомъ права лицо и преимущественно физическое, отдѣльное, легко доказать, что соединенія лицъ въ корпораціи и т. д. суть продуктъ личнаго расположенія, разсчета, произвола и что всѣ эти соединенія болѣе или менѣе опредѣляются волею физическихъ лицъ, а потому подлежатъ рѣшенію пандектистовъ. Такъ и случилось, такъ и дѣлается по образцу Римлянъ и по римскимъ источникамъ права съ современнымъ семействомъ, а частію съ современной общиной и даже съ современнымъ народомъ и государствомъ. Семья отнесена въ систему пандектъ, въ область частнаго, личнаго права. Пандектисты не признаютъ семьи даже юридическимъ лицомъ, или лучше, не признаютъ ее вообще лицомъ, а какимъ-то аггрегатомъ физическихъ лицъ, изъ которыхъ однакожъ каждому присвояются особыя семейственныя права, напр. право мужа и жены, право родителей и дѣтей, опекуновъ и т. п. Стало-быть семья, не будучи лицомъ, не имѣетъ собственныхъ своихъ правъ, а лица, ее составляющія, все-таки отъ семьи пріобрѣтаютъ свои права. Построеніе довольно странное, предполагающее возможность сообщать права другимъ отъ того, кто ихъ самъ не имѣетъ. Если семья очевидно не есть лицо физическое, да не признается юридическимъ, — какимъ же образомъ можетъ она быть отнесена къ области гражданскаго права? Нелѣпость. Читали же мы въ нашемъ „Вѣстникѣ“ рѣшеніе здѣшняго окружнаго суда, которымъ судъ отказывается отъ исполненія статьи гражданскихъ законовъ о томъ, что мужъ имѣетъ право требовать жену для совмѣст-

ной жизни. Ясно, что гражданскіе законы невыполнимы въ дѣлѣ семейнаго права. Это—не ихъ дѣло. Съ другой стороны, пандектисты объявляютъ общину, село и городъ, равно какъ государство, юридическими лицами, т.-е. фикціями и потому считаютъ эти общины и государства существующими по силѣ разсчета лицъ физическихъ, а потому какъ бы узаконяютъ начало, по которому и семья и община и народъ и государство въ основѣ своей имѣютъ договоръ, contract social, а потому и въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своемъ бытіи зависятъ отъ разсчета и произвола своихъ физическихъ лицъ. Бракъ на этомъ основаніи можно расторгнуть, по волѣ супруговъ; но по тому же можно общинную землю раздѣлить, или продать, по желанію наличныхъ членовъ села и деревни, и далѣе государствомъ можно такъ или иначе распорядиться, согласно, напр. поголовной подачѣ мнѣній наличнаго населенія. Это—формальное отрицаніе вѣчныхъ общечеловѣческихъ принциповъ и замѣна ихъ личнымъ произволомъ отдѣльныхъ особей. Это—юридическое обоснованіе дарвинизма, позитивизма, соціализма, произвола.

Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, или немыслимыхъ послѣдствій и даже нелѣпостей, субъектомъ права мы называемъ человѣка, и только человѣка, въ его земной, реальной жизни. Божество мы представляемъ себѣ лицомъ; ангелы также несомнѣнно личны и святые въ небесномъ царствѣ суть лица; но всѣ эти лица не суть субъекты правъ, подобно человѣку и людямъ. Какъ скоро же человѣка назвали мы субъектомъ, то, во имя его природы, мы должны признать субъектомъ права и общества людей. Отдѣльный человѣкъ есть отвлеченіе. Отдѣльно, вполнѣ изолированно люди не живутъ, не существуютъ и не могутъ ни явиться, ни развиться внѣ напр. семьи, внѣ общины, внѣ человѣческаго общества. Такимъ образомъ первымъ, или главнымъ понятіемъ здѣсь будетъ общество, несомнѣнно дѣйствительное, реальное существо; а уже вторымъ болѣе отвлеченнымъ, отдѣльный, обособленный человѣкъ, мысленно отторгнутый отъ общества для той или другой школьной цѣли изученія, наблюденія и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, почему физическое

лицо пандектистовъ, или отдѣльный человѣкъ, въ наше время признаются субъектами права? Потому что въ цѣлой природѣ это — единственно сознательныя, разумныя существа, такъ что вся природа внѣ человѣка представляется только объектомъ для правъ человѣка. И понятно, что, напр. сумасшедшій не будетъ имѣть правъ, хотя онъ лицо физическое, даже человѣкъ, но лишенный разума. Слѣдовательно, очевидно, что существо субъекта — разумность; а гдѣ эта разумность неизмѣнна, постоянна, полна, не завися ни отъ пола, ни отъ возраста, ни отъ здоровья или болѣзни? Конечно, въ обществѣ. Слѣдовательно, главный субъектъ права есть общество, и отдѣльное лицо только отъ общества получаетъ даже свое значеніе субъекта правъ, даже въ области гражданскаго права. Почему тамъ или здѣсь женщина не имѣла всѣхъ имущественныхъ правъ, предоставленныхъ гражданамъ? Потому что она не имѣла права являться на forum и вершить negotia. Почему дѣти, больные, сумасшедшіе лишены права совершать тѣ или другія сдѣлки? Потому что первоначально всѣ сдѣлки были публичными актами, и тутъ предъ народомъ оказалось невозможнымъ допустить подобныхъ людей до этихъ сдѣлокъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, одно вѣрно, что при словѣ: человѣкъ, непремѣнно въ сознаніи, какъ и въ жизни, является понятіе: человѣческое общество. Посему субъектомъ правъ могутъ быть или отдѣльные люди, или ихъ соединенія, общества, и только. Общества уже не фикціи, а реальныя существа. Но какъ отдѣльные люди имѣютъ свой status, говоря терминомъ пандектистовъ, такъ и общества имѣютъ свои особенности, по которымъ они дѣлятся на свои виды. Обществъ весьма много—и нѣмецкіе ученые, по разнымъ частямъ права, — отъ пандектистовъ до полицеистовъ,—придумали массу подраздѣленій. Опять вся эта масса объясняется исходною точкою воззрѣнія на дѣло. Если общества суть произвольныя соединенія лицъ, то конца невозможно опредѣлить разнообразію, какъ нельзя предѣлы указать произволу. Но выдѣлите естественное, разумное, общечеловѣческое изъ области произвола и получится рѣшеніе простое. Въ основѣ понятія объ обществѣ находится

человѣкъ, который и по своей человѣческой природѣ и по своимъ личнымъ разсчетамъ или цѣлямъ вступаетъ въ общеніе съ подобными себѣ. По этимъ двумъ основаніямъ общенія мы различаемъ двѣ группы обществъ: одну — натуральную, общечеловѣческую и другую — произвольную, договорную, гражданскую. Послѣдняя можетъ являться въ весьма различныхъ видахъ, собственно договорнаго общества — societas, рабочаго соединенія — артели, соединенія капиталовъ—компаніи и т. д., до юридическихъ лицъ пандектистовъ, до корпорацій и до сословій, опредѣляемыхъ цѣлями. Всѣ эти общества составляются для достиженія извѣстныхъ цѣлей, которыя, какъ бы ни были отдаленны, достигаются рано или поздно и тѣмъ полагаютъ конецъ обществу. Это— общества цѣлей, собственно товарищества. Напротивъ первая группа точно, ясно, положительно опредѣлена исторіею свего человѣчества. Это—повсюду и всегда—семья, община, народъ, само человѣчество и человѣческія общества, которыя имѣютъ въ своей основѣ не тѣ или другія конечныя, т.-е. кончающіяся цѣли, а вѣчно развивающіяся идеи — семьи, церкви, народа, государства — идеи, вызывающія человѣка къ построенію идеаловъ для этихъ обществъ и къ вѣчному стремленію въ направленіи къ этимъ идеаламъ, что́ и опредѣляетъ бытъ человѣка и его право. Этою общественностью, этимъ бытомъ общественнымъ и жизнью въ такихъ обществахъ идей, человѣкъ существенно отличается отъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ животныхъ и феноменовъ внѣшней природы. Это — палладіумъ нашей разумности, нашей свободы, нашего права и господства среди природы; только отдѣльно взятые люди, какъ физическія лица, входятъ въ область видимой природы и подаютъ поводъ сомнѣваться и въ ихъ правѣ на природу и въ ихъ свободѣ дѣйствій и часто въ ихъ разумности. Прибавимъ, что если физическія лица могутъ имѣть право на титулъ носителей права, то человѣческія общества должны быть названы творцами права. Никакое право отдѣльныхъ лицъ немыслимо внѣ общества и безъ его признанія, а стало-быть внѣ общества немыслимъ и самый титулъ лица, какъ носителя правъ, или пре-

дикатъ лица, какъ субъекта правъ. Обратимъ же хоть теперь вниманіе на общество человѣческое, которому еще божественный Платонъ приписывалъ великую важность, говоря, что человѣкъ есть существо общественное. Общечеловѣческія общества, каковы: государства, народы, области, земства, общины и семейства, не суть юридическія лица, опредѣляемыя цѣлями и волею отдѣльныхъ лицъ, а общества, какъ самостоятельный субъектъ своихъ общественныхъ правъ, хотя это не quellenmässig, не согласно съ римскими источниками права.

Замѣчательно, что въ языческомъ, античномъ мірѣ не встрѣчаемъ мы дѣйствія этого общества. Въ Египтѣ, какъ впослѣдствіи въ Греціи и въ Римѣ, оно явно поглощается политическимъ единеніемъ, или государствомъ, которое, такъ или иначе отдѣливъ народъ отъ земли, напр. въ Египтѣ покупкою земли за хлѣбъ во время голода и раскинувъ по всей территоріи сѣть своего управленія, разбивало народъ на касты, или классы, на пласты, уже лишенные своей опоры и содѣлавшіеся служебными элементами государства. Такъ впослѣдствіи въ средніе вѣка въ западной Европѣ дѣйствуетъ начало, по которому земля, напр. въ Англіи съ Вильгельма-Завоевателя, составлетъ вотчину и собственность королей, а не народа, который и тутъ, отдѣленный отъ земли, дѣлится на сословія. Такъ и въ нашемъ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, предъявившаго право государства на всю землю, правительство раздробило народъ на сословія и чрезъ то несомнѣнно ослабило или даже частію уничтожило русское общество. При этомъ, естественно, высшіе классы получали права насчетъ низшихъ, а потому повсюду образовалось рабство — вмѣстѣ, наряду и вслѣдствіе преимуществъ, дарованныхъ гражданамъ, воинамъ, жрецамъ, или дворянству. Только народъ іудейскій образовалъ родъ оазиса среди древнихъ своихъ языческихъ сосѣдей Египта, Греціи и т. д., удержавъ свою власть надъ землею и сохранивъ чрезъ то свое территоріальное значеніе, отстоявъ среди себя личную свободу и породивъ у себя несомнѣнно человѣческое

общество, въ отличіе отъ политическаго, и тѣмъ создавъ впервые на Востокѣ умѣренное правленіе.

Христіанство, какъ исповѣданіе вполнѣ человѣческое, вводитъ въ міръ чисто человѣческое начало любви и чисто человѣческое устройство—общество, церковь, которая такъ описана у апостола Павла (1 Коринѳ. XII, 4, слѣд.): „раздѣленія дарованій суть, раздѣленія служеній суть, и раздѣленія дѣйствъ суть. Комуждо дается явленіе духа, овому слово премудрости, иному слово разума, другому вѣра. Якоже бо тѣло едино есть и уды имать многи; вси же уди единаго суть тѣла. Аще страждетъ одинъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди.“ Итакъ человѣческое общество есть единство въ разнообразіи, единство при множествѣ различныхъ членовъ, единство въ общности направленія и стремленія, не уничтожающее различія въ способностяхъ и дѣятельности своихъ членовъ. Это общество основывается на свободѣ отдѣльныхъ элементовъ и на ихъ свободномъ единеніи, на единеніи полномъ, доходящемъ до страданія всѣхъ членовъ при страданіи одного, или просто выражаясь, до круговой поруки и до единства организма, или тѣла.

Такое общество есть продуктъ человѣческаго разума и человѣческой жизни. Въ природѣ не можетъ быть ничего подобнаго. Для человѣческаго общества требуется разнообразіе отдѣльныхъ способностей, дарованій, служеній, дѣйствій, чего нѣтъ въ индивидуумахъ внѣшней природы. Въ человѣческомъ обществѣ необходимо сліяніе различныхъ силъ, дарованій, способностей въ единство, по требованію самаго различія. Слѣдовательно свободное и сознательное сліяніе. Отдѣльныя силы и дарованія разума стремятся тутъ къ общимъ, болѣе разумнымъ положеніямъ разума. Единеніе членовъ есть исканіе высшаго разума. Наконецъ, общество требуетъ знаній и умѣнья обезпечить бытіе массы на данномъ, часто маломъ пространствѣ, требуетъ охраны и обезпеченія посредствомъ учрежденій права, требуетъ соглашеній, требуетъ языка, понятнаго для всѣхъ, вообще того, чего не имѣетъ ниодно недѣлимое ниодного изъ разныхъ царствъ природы.

Итакъ, что же такое человѣческое общество, какъ самостоятельный субъектъ своихъ самостоятельныхъ правъ? Прежде всего, это—единеніе людей, влекомыхъ къ тому всею ихъ человѣческою природою, слѣдовательно единеніе полное, обнимающее собою всѣ способности и всѣ силы человѣка. Поэтому такое общество называемъ мы человѣческимъ, или обще-человѣческимъ, каковы, напр., семья, общины, народъ и само человѣчество. Далѣе человѣческое общество представляется единствомъ всего индивидуальнаго разнообразія членовъ, такъ что каждый членъ находитъ въ обществѣ возможное удовлетвореніе своихъ потребностей и въ то же время вноситъ въ него свою особенность, находящую тамъ непремѣнно свое назначеніе и употребленіе. Каждый единичный элементъ служитъ органомъ для общества, котораго общими средствами питается и развивается. Поэтому наше общество носитъ названіе органическаго. Наконецъ, это общество, составляя часть человѣчества, или народа, непремѣнно осѣдло, мѣстно и территоріально, начиная съ семьи, которая непремѣнно ведетъ къ осѣдлости. Будучи мѣстнымъ и территоріальнымъ, человѣческое общество является необходимо единствомъ обоихъ элементовъ, субъективнаго и объективнаго, или соединеніемъ господствующаго разумнаго субъекта и подчиненнаго ему объекта или природы въ данныхъ предѣлахъ. Объектъ или имущества общества образуются не отъ единенія отдѣльныхъ имуществъ, частныхъ, а составляются самостоятельнымъ правомъ общества. Территорія народа, какъ и земля общины, не произошли отъ сліянія частныхъ имуществъ, а искони и первоначально составляютъ владѣніе народа и общины. Отсюда вытекаетъ самостоятельность общества, или такое его состояніе, по которому оно само въ себѣ содержитъ и основаніе къ своему бытію и средства къ своему развитію. И кто же когда отрицалъ у семьи или сомнѣвался въ правѣ семьи самостоятельно устроить воспитаніе своихъ сочленовъ, опредѣлить ихъ образъ жизни, научить ихъ языку страны, сообщить имъ свѣдѣнія, нужныя для жизни? И не то же ли видимъ мы далѣе во всѣхъ общинахъ и земствахъ, и не это ли состав-

ляетъ условіе и основу для единства народа, единства національнаго? То, что призвана совершить семья, община, земщина, нація, есть задача человѣческаго общества, которое, будучи единствомъ всего человѣческаго, непремѣнно сообщаетъ всѣмъ этимъ своимъ видамъ тождественный предметъ и вопросъ для выполненія. А такъ какъ все человѣческое можетъ быть выражено въ трехъ слѣдующихъ направленіяхъ: религіозно—моральнаго, разумно—полезнаго и обезпеченно—праваго, то естественно, что эти три вопроса составляютъ существенный предметъ дѣятельности человѣческаго общества и предметъ исключительный. Въ сферѣ этого-то предмета общество самостоятельно.

Самостоятельность человѣческихъ обществъ тоже, что свобода лицъ и самодержавіе государствъ. Посему наше общество самостоятельно: 1) по акту своего происхожденія. Какъ свобода признается за отдѣльнымъ лицомъ съ момента рожденія, а иногда даже съ момента зачатія безъ особаго на то закона, такъ общество, въ моментъ своего нарожденія, не требуетъ для понятія объ его самостоятельности никакаго спеціальнаго признанія, утвержденія, или освященія, за исключеніемъ семьи, какъ первой ступени общественности для отдѣльныхъ лицъ. Совершенно другое начало господствуетъ относительно лицъ юридическихъ, но совершенно по особой причинѣ, чисто государственной политической, или полицейской. Противъ произвола отдѣльнаго лица существуютъ въ государствѣ судъ и расправа, но противъ дѣйствій такихъ, часто многочисленныхъ и могучихъ корпорацій, какъ цехи, гильдіи, сословія и т. п., одно у правительства средство — сознаніе объ ихъ образованіи, составленіе для нихъ устава, и надзоръ, чтобы ихъ дѣятельность не шла противъ пользъ и видовъ государства. Человѣческія же общества, какъ и государства, никогда не возбуждаютъ подозрѣній; они существуютъ силою исторіи, во имя народной жизни, по воззрѣніямъ народа, входящимъ въ основу и въ содержаніе самихъ законовъ. Оттого произошло, что общины, села и города, равно какъ земщина и земство, подобно областямъ и народу, появляются раньше государ-

ства, служа для него основаніемъ, почвою, мотивомъ бытія, или raison d'être. Пандектисты допустили громадную ошибку, пріурочивъ человѣческія общества къ юридическимъ лицамъ и признавъ за государствомъ, или правительствомъ власть и право санкцировать акты нарожденія обществъ. Но относя и самыя государства къ юридическимъ лицамъ, стали въ тупикъ предъ вопросомъ: кто-же будетъ утверждать и санкцировать зарожденіе, начало, или происхожденіе государствъ?

2) Человѣческое общество самостоятельно въ томъ смыслѣ, что какъ его принципъ, такъ и вѣдомство не зависятъ ни отъ произвола лицъ въ него входящихъ, ни отъ распоряженій правительства, надъ нимъ поставленнаго. Вмѣшательство отдѣльныхъ членовъ, какъ и вмѣшательство государства, во внутренній бытъ общества не дозволительно, противно природѣ человѣческихъ обществъ. Объяснимся. Не всякое вліяніе государства называется вмѣшательствомъ; общіе законы относительно обществъ, помощь имъ оказываемая, или защита, не составляютъ вмѣшательства, которое собственно состоитъ въ устраненіи отъ дѣйствія настоящаго хозяина, или субъекта, и въ замѣщеніи его лицомъ посторонимъ, частнымъ, или правительственнымъ. А вотъ нѣсколько подробностей для того же объясненія. Смыслъ и значеніе юридическаго лица, или договорнаго общества, напр. товарищества, компаніи—весь этотъ смыслъ и все это значеніе зависятъ отъ воли членовъ и опредѣляются этою волею, тогда какъ идея семьи, съ ея взаимною любовью, или значеніе общины, съ ея круговою порукою, или земство съ его властью издавать обязательныя для членовъ его постановленія, совершенно не зависятъ отъ произвола, или соглашенія отдѣльныхъ ихъ членовъ или, лучше, отдѣльныхъ лицъ. Никто изъ этихъ лицъ не можетъ вступить въ законный бракъ, съ цѣлью нарушить принципъ любви, никто не можетъ оставаться въ общинѣ, или въ земствѣ, явно и силою противодѣйствуя принципу общенія. Напротивъ, какъ въ государствѣ —этомъ обществѣ обществъ—отдѣльныя лица подчиняются и духу и направленію народа и государства, такъ въ семьѣ,

общинѣ, земствѣ отдѣльныя лица отъ общества получаютъ свои опредѣленія. Сильно ошибаются тѣ, кто думаютъ, что можно произвольно установить форму и бытъ семьи въ народѣ или по временной игрѣ фантазіи опредѣлить жизнь въ общинѣ, или, хотя бы поголовно подачею голосовъ, порѣшить то или другое государственное устройство. Общій духъ народа, высказывающійся въ его исторіи, одинъ тутъ распоряжается и господствуетъ.

Съ другой стороны и государство, или правительство, не можетъ разумно вмѣшиваться въ бытъ и во внутреннюю жизнь семьи, общины, земства. Въ предѣлахъ своего вѣдомства, какъ лицо въ предѣлахъ своего права, общество должно дѣйствовать самостоятельно. Относительно отдѣльнаго лица это такъ для всѣхъ очевидно, что выраженія: право лица, право собственности, владѣнія и т. д. именно понимаются въ значеніи томъ, по которому лицо независимо и свободно распоряжается въ предѣлахъ своего права, въ предѣлахъ напр. своей собственности, своего владѣнія, своего имѣнія, дома, лавки, завода, откуда выведена извѣстная аксіома экономистовъ: laisser aller et faire, или иначе, нѣтъ гражданскаго, частнаго, личнаго права. Посему, если мы признаемъ общество за особый субъектъ его правъ, то должны допустить полную независимость его распоряженій въ предѣлахъ этихъ ему принадлежащихъ правъ, или въ предѣлахъ его вѣдомства. Само собою разумѣется, что эти самостоятельныя распоряженія обществъ должны быть согласны съ принципами, дѣйствующими въ обществахъ. Принципы же обществъ народны, даны народной жизнью, а потому всенародны и необходимо входятъ въ составъ законовъ страны, или въ область государственнаго законодательства. Государство призвано какъ для дѣлъ войны и мира, такъ и для дѣятельности законодательной, которая должна выразить принципы народной жизни. И вотъ почему мы встрѣчаемъ въ законахъ о семьѣ такъ-называемыя моральныя положенія о взаимной любви супруговъ, родителей и дѣтей и т. д. Это невмѣшательство и упомянутыя моральныя положенія вовсе не суть законы въ смыслѣ статей, руководящихъ пригово-

рами суда, а собственно общій законъ или внѣшнее выраженіе того принципа, изъ котораго должны вытекать и получать свое объясненіе отдѣльныя статьи кодекса. Законъ о семьѣ въ смыслѣ такого выраженія принципа не признаетъ и не знаетъ семьи безъ любви, помимо любви или въ противность любви, и тамъ гдѣ мужъ ли, жена ли, родители, дѣти дѣйствуютъ въ противность указанному принципу, законъ отрицаетъ справедливость и правомѣрность такихъ дѣйствій, а иногда и караетъ ихъ совершителей. Примѣромъ тутъ можетъ послужить вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ и незаконномъ сожительствѣ или конкубинатѣ. Такое сожительство, весьма натурально, лишено семейнаго принципа любви, любви чистой, полной, высокой, самопожертвующей—однимъ словомъ, человѣческой истинной любви, хотя можетъ быть вызвано бѣшеною страстью. Поэтому подобное сожительство считается незаконнымъ и дѣти отъ такого сожительства не признаются въ правѣ на званіе членовъ семьи, связанныхъ началомъ любви. Но тамъ, гдѣ семья явно предъ лицомъ закона не нарушаетъ своего законнаго принципа, тамъ она дѣйствуетъ самостоятельно, безъ вмѣшательства—со стороны ли полиціи или со стороны администраціи, которыя въ ея дѣла не вмѣшиваются. Тоже имѣетъ мѣсто въ области общиннаго быта, чему наглядным примѣромъ служитъ приходъ Англіи. По древне-христіанскому положенію—quaeque civitas suos pauperes alito,—уравнивая civitas съ приходомъ, англійскій законъ установилъ, что каждый приходъ долженъ призрѣвать своихъ нищихъ и что это — дѣло приходовъ, а не государства, или графства. Итакъ, законъ ограничивается установленіемъ начала, по которому приходъ существуетъ по правилу круговой поруки и для наблюденія за выполненіемъ указаннаго начала государство смотритъ зорко посредствомъ мировыхъ судей. По подробности призрѣнія предоставлены приходамъ и ихъ представителямъ, open vestry, select vestry etc. Въ такомъ же отношеніи къ государству и приходу находятся церкви и причты, дороги и сообщенія, школы и учрежденія санитарныя и т. д. Вмѣшательства въ эти дѣла не дозволяетъ себѣ правительство, хотя считаетъ

своимъ долгомъ издать законъ о томъ, чтобы храмы, школы, дороги, по общинамъ, были поддержаны, заведены, открыты и т. д. Наконецъ, въ указанномъ смыслѣ самостоятельно и земство. Министръ и губернаторъ имѣютъ только надзоръ за тѣмъ, чтобы законы относительно земства были точно выполнены, чтобы собранія собирались, выборы были правильны, постановленія формально законны, дѣйствія земства не восходили за предѣлы его вѣдомства. Въ противномъ случаѣ—судъ. Но судъ и въ томъ случаѣ, когда министръ и губернаторъ вмѣшаются въ область земства. Это ясно. А для большей доказательности мысли не будетъ ли угодно читателю, оставивъ обычный ходъ изслѣдованія нашихъ правъ порядкомъ сложенія разрозненныхъ единицъ, обратиться къ способу болѣе естественному въ области идей, къ способу вывода частныхъ правъ изъ одного общаго права. Изъ разрозненныхъ единицъ, изъ отдѣльныхъ личностей,—сколько бы ихъ ни было,—нельзя построить ни общества, ни народа, ни государства. Это—песчинки въ горсти песку и какъ ни сжимайте ихъ механически, силою вы не получите даже комка, если не свяжете этой массы какимъ-нибудь цементомъ. Такой цементъ для связи отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ называется народностью. Поэтому все частное и личное должно быть разсматриваемо и обсуждаемо съ высоты общей идеи—народности, народа. Въ самомъ словѣ „народъ“ уже слышится выраженіе связи для его отдѣльныхъ частей, органовъ, членовъ, лицъ; что-то родное должно быть между этими составными частями населенія, что-то общее по рожденію и непрерывному преемству, что-то единое и непрерывное во времени и въ пространствѣ. Единое и непрерывное во времени есть что-то вѣчное въ бытіи или постоянное или хоть неопредѣленно-продолжительное. И таково бытіе народа. Но таково же бытіе областей, общинъ и семействъ въ народѣ, откуда легко выводимъ право земства, право общины, право семьи и вообще органовъ народа на бытіе и развитіе. Непрерывность въ пространствѣ представляется постепеннымъ занятіемъ территоріи населеніемъ осѣдлаго народа, такъ что тутъ со временемъ образуются осѣдлыя области, общины,

семейства. Откуда легко вывести право этихъ органовъ народа на земли, ими занимаемыя, до общиннаго владѣнія общинъ, до родовыхъ имѣній семействъ, до личнаго, крѣпостнаго владѣнія отдѣльныхъ лицъ. Но эта непрерывность въ пространствѣ при осѣдлости можетъ имѣть особое значеніе движенія и стремленія народа сохранить свое единство, несмотря на пространства, раздѣляющія его осѣдлыя части, и несмотря на время, которое необходимо для сближенія между этими частями. Откуда легко вывести право областей, общинъ и владѣльцевъ на устройство путей сообщенія и сношеній—дорогъ, почтъ и тому подобныхъ учрежденій. Наконецъ, единство и непрерывность во времени и пространствѣ вмѣстѣ взятыя вызываютъ идею общаго труда даннаго народа въ области созидательной, въ промышленности, въ просвѣщеніи и въ области самоохраненія отъ дѣйствія внѣшней природы, или человѣка. Откуда происходятъ права областей или земствъ, общинъ и семействъ на промыслы и промышленность, на содѣйствіе къ ученію, къ образованію, равно какъ на мѣры противъ пожаровъ и наводненій, противъ болѣзней и голода, противъ явленій частнаго произвола и противъ той общественной язвы, которая именуется нищетой, бѣдностью, пролетаріатомъ и т. п.

Вотъ почему: 3) каждое человѣческое общество самостоятельно еще въ томъ смыслѣ, что имѣетъ свое особое и неотъемлемое право, составляющее, какъ мы видѣли, столько же его обязанность относительно цѣлаго народа. Такъ напримѣръ, семьѣ предоставлено, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ великаго міра, право самостоятельно дѣйствовать въ области религіознаго культа, вѣры и морали. Откуда произошли семейныя sacra и домашніе боги—лары и пенаты—у язычниковъ и почитаніе семейныхъ, фамильныхъ, родовыхъ иконъ у христіанъ, съ понятіемъ о Божіемъ благословеніи, о родительскомъ благословеніи и о домашней молитвѣ. И ничѣмъ нельзя замѣнить тотъ способъ религіозно-моральнаго воспитанія, которое дается молодымъ поколѣніямъ матерями семействъ, ихъ любовнымъ вліяніемъ, наставленіемъ и примѣромъ. И законъ по правилу (e regula) не признаетъ за

лицомъ или отдѣльнымъ человѣкомъ другаго права на исповѣданіе, кромѣ права на вѣру его родителей или отцовъ и семействъ. Въ области разумно-полезнаго тотъ же законъ частію даже налагаетъ обязанность на старшихъ, или на представителей семьи, пещись о наученіи дѣтей, объ ихъ образованіи, развитіи и о приготовленіи ихъ къ практической жизни или къ полезной дѣятельности. Недаромъ языкъ страны у нѣкоторыхъ народовъ называется Muttersprache—языкомъ матери, по нашему—роднымъ языкомъ; а съ усвоеніемъ языка извѣстнаго народа, мы усвояемъ его логику, его воззрѣнія, его повѣрья, опыты, знанія или вообще просвѣщаемся въ той мѣрѣ, въ какой просвѣщеніе содѣлалось общимъ, народнымъ достояніемъ. На такомъ же основаніи, промыслы, образъ жизни и практическія начала жизни семьи передаются молодому поколѣнію, первоначально, конечно, въ семьѣ, напр. крестьянской, купеческой, духовной, дворянской. Тутъ должно еще отмѣтить особое явленіе, что семья часто, или даже почти всегда, въ быту трудовомъ, составляетъ изъ себя естественную рабочую ассоціацію, такъ что труды членовъ семьи установляются семейной властью, равно какъ плоды этихъ общихъ трудовъ распредѣляются тою же семейною властью. Откуда идея общности въ семейномъ достояніи и основаніе закона какъ объ alimentorum praestatio или обязанности содержанія однихъ членовъ семьи другими, такъ и о наслѣдованіи послѣ того или другаго представителя семьи или ея члена—брата, сестры, дяди и т. п. Думаю, что и римская hereditas, имѣя связь съ словами: heres и herus—хозяинъ надъ домочадцами — близко подходитъ къ понятію семьи. Исторически извѣстно, что къ концу республики законы о завѣщаніяхъ стремятся ограничить личный произволъ завѣщателей и обратить ихъ вниманіе на семейный кругъ, на семейство, установляя понятіе о heres suus, necessarius, равно какъ объ условіяхъ для законнаго лишенія наслѣдства членовъ семьи. Идея непрерывности и преемства составляетъ необходимое свойство семьи, какъ человѣческаго общества, служа въ тоже время единственнымъ основаніемъ для института наслѣдства, какъ въ семьѣ част-

ной, такъ и въ устройствѣ государства. Наконецъ, допустивъ по требованію необходимости такую дѣятельность семьи, законъ долженъ былъ допустить право семьи охранять себя и свое и распоряжаться своимъ по собственному убѣжденію. Отсюда право или власть представителей, семьи, родителей, старшихъ, опекуновъ и т. п.,—право и власть, доходящія до того, что даже предъ судомъ члены семьи не обязаны свидѣтельствовать одинъ относительно другаго, что даже прокурорскій надзоръ не имѣетъ власти вчинать уголовное преслѣдованіе противъ преступника, совершившаго преступленіе въ кругу своего семейнаго союза или семейнаго имущества.

То, что сказали мы о семьѣ, примѣняется къ общинѣ, которая состоитъ изъ семействъ, какъ семейство изъ отдѣльныхъ лицъ, людей, членовъ, гдѣ не мнѣнія лицъ важны, а интересъ общественный. Такъ напримѣръ у насъ на сходѣ сельскомъ участвуютъ домохозяева или представители семействъ, нѣчто вродѣ patres Рима, или хоть domini, несомнѣнно такъ называемые отъ domus — домъ. Какъ бы то ни было, въ нашей общинѣ существуетъ несомнѣнно и общность имущественная и ассоціація промышленная и дѣятельность въ области религіозно-моральной и власть пещись о школахъ или образованіи, о дорогахъ или сообщеніяхъ, о сохраненіи имуществъ и лицъ, посредствомъ учрежденій пожарныхъ, богадѣленныхъ и т. п., и все это при посредствѣ собственной, избранной администраціи—головъ, старостъ, старшинъ. Различіе въ дѣятельности между общиной и семьей состоитъ въ томъ, что въ семьѣ эта дѣятельность выражается въ наставленіяхъ, въ наученіи, въ примѣрѣ, а въ общинѣ таже дѣятельность совершается постановленіями, приговорами и учрежденіями. Оттого въ общинахъ встрѣчаемъ мы на мѣсто пенатовъ или иконъ уже цѣлые церкви и храмы, школы и училища, дороги и сельскія школы, базары, торги для промысловъ и разныя учрежденія на случай пожаровъ, неурожаевъ, болѣзней и противъ нищеты и противъ преступныхъ явленій произвола. Оттого же, что въ общинѣ господствуютъ не мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, а общіе интересы обществъ,

домовъ, дворовъ, семействъ, общинѣ присвоено право сходокъ, приговоровъ, выборовъ, а властямъ ихъ вручень надзоръ полицейскій и частію судебная дѣятельность, какъ напр. въ волости.

Какъ общины составляются и состоятъ изъ домовъ, дворовъ, семействъ, такъ земство образуется изъ общинъ сельскихъ и городскихъ, а потому область земства, по своему внутреннему содержанію, совершенно совпадаетъ съ областью семейнаго и общиннаго быта и распадается на вопросы о религіозно-моральномъ развитіи населенія, о его разумно практической дѣятельности и о его учрежденіяхъ на пользу охраненія, обезпеченія и суда по разнымъ дѣламъ земства. И земства выражаютъ принципъ общій для общинъ и обществъ, а не мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Въ земствѣ—мѣстности, общества, семьи и города. Прочитайте статью земскихъ учрежденій о вѣдомствѣ и вы найдете въ нихъ указанія, что по всѣмъ этимъ тремъ сторонамъ общественной жизни земству предоставлена самостоятельность, или право составлять по нимъ свои постановленія и приводить ихъ въ исполненіе. Это — автономія земства, соотвѣтствующая самостоятельности распорядительныхъ приговоровъ общинъ и независимости дѣятельнаго вліянія семьи на вѣру, мораль, образованіе и практическую дѣятельность различныхъ членовъ семьи.

Но довольно этихъ указаній для установленія понятій о самостоятельности и самоуправленіи. Общества имѣютъ самостоятельныя права, имъ исключительно принадлежащія, а потому и только потому имѣютъ они право самоуправленія, или независимаго, собственнаго распоряженія для осуществленія указанныхъ правъ. Очевидно, что самоуправленіе есть только послѣдствіе самостоятельности и отдѣльно отъ самостоятельности не можетъ быть ни точно изложено, ни удобно понято. Наконецъ, самоуправленіе должно быть *равно* самостоятельности, не больше, но и не меньше.

Самоуправленіе, конечно, есть особая форма управленія, которое обыкновенно относится къ государству какъ то выражается въ самомъ словѣ gouvernement, government, Re-

giering и т. д. и которое, сверхъ того, по особымъ историческимъ причинамъ, первоначально все на западѣ Европы принадлежало исключительно государству. Это государственное управленіе не перестаетъ быть государственнымъ въ томъ случаѣ, когда дробится, т. е. децентрализуется между различными государственными органами—министрами, генералъ-губернаторами, губернаторами, префектами или предсѣдателями провинцій и Amtman'ами округовъ. Но также точно остается оно государственнымъ и въ томъ случаѣ, когда для удобства правительства передается оно для исполненія тѣмъ или другимъ мѣстнымъ жителямъ, графамъ, шерифамъ, атторнеямъ, коронерамъ,—по назначенію ли правительства, или по выбору жителей. Наконецъ, даже и тогда государственное управленіе остается государственнымъ, когда его функціи возлагаются на мѣстныхъ жителей, каковы напр. участіе въ наборѣ рекрутъ, мѣстная раскладка податей, выборы въ судьи, засѣдатели и т. д. Другими словами и короче, управленіе государственное можетъ только децентрализоваться, но обратиться въ мѣстное самоуправленіе не можетъ, по существу задачи, по существу предмета и по природѣ самаго дѣла. Государственное совершается только государствомъ, хотя формы совершенія могутъ быть различны. Совершенно измѣняется дѣло тамъ, гдѣ самый предметъ вѣдомства есть предметъ мѣстный, земскій; тутъ онъ управляется необходимо земствомъ и мѣстно, — земствомъ, а не государствомъ, и только такъ. Стало-быть, прежде чѣмъ толковать о самоуправленіи, необходимо выяснить самостоятельность, или исключительную область права земскаго и общественнаго. И вотъ именно этого не встрѣчаемъ мы ни у западныхъ ученыхъ, по части selfgovernment, ни у нашихъ писателей о самоуправленіи, откуда выводимъ ихъ недомолвки, неточности и неосновательность.

Только самоуправленіе, основанное на самостоятельности, вполнѣ выражаетъ смыслъ нашего закона о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. янв. 1, который предоставляетъ земству право дѣйствовать самостоятельно въ кругу его дѣлъ, даже умалчивая о самоуправленіи, уже предполагающемся при

самостоятельности. Понятіе и слово „самоуправленіе“ заимствованы нами съ запада и, какъ видно, еще не уяснены. Только самоуправленіе, основанное на самостоятельности, обѣщаетъ и даетъ благотворныя послѣдствія или результаты, по самому существу своего субъекта, по самой природѣ общества. Единство общества, его непрерывность или вѣчное преемство его состава, лицъ и поколѣній, одно можетъ творить и созидать постепенно возвышающіяся и умножающіяся права, которыми общества надѣляютъ своихъ членовъ въ каждомъ данномъ поколѣніи, по закону преемства и наслѣдованія. Преемство и наслѣдованіе имѣютъ мѣсто не въ одномъ тѣсномъ кругу семьи, но столько же въ быту общинномъ, земскомъ, народномъ и государственномъ. Преемство и наслѣдованіе — это выраженія для прогресса, основа для развитія личности, поприще и картина народной и всемірной исторіи. Напрасно одинъ нашъ молодой ученый подшучиваетъ надъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго Лотце *), въ его „Микрокосмѣ“ о томъ, что счастіе человѣка состоитъ въ досугѣ и въ свободѣ отъ труда, по-нѣмецки отъ Arbeit, т. е. отъ работы, или физическаго труда. Мы знаемъ, что человѣкъ дѣйствительно всегда стремился къ досугу отъ матеріальныхъ хлопотъ и физическихъ усилій для того, чтобы предаваться духовному труду и духовнымъ наслажденіямъ, или хоть бы изрѣдка принимать въ нихъ участіе. Для того человѣчество терпѣло институтъ рабства, замѣненный впослѣдствіи колонатомъ и крѣпостнымъ правомъ, уступившихъ въ свой чередъ мѣсто пролетаріату и классу рабочихъ, теперь видимо склоняющихся къ своему уменьшенію изобрѣтеніемъ машинъ. Механика, машины, внѣшняя природа должны будутъ наконецъ взять на себя всю работу египетскую, физическую, черную, каторжную, и человѣку останется только разумный трудъ, да умственныя усилія и духовныя наслажденія. И все это движеніе совершается, конечно, обществомъ, которое накопляя массу матеріальныхъ богатствъ, да расширяя сумму знаній, все менѣе и менѣе будетъ тре-

*) Г. Трачевскій, въ „Бесѣдѣ“, XI, 1871. Задачи исторіи и т. д.

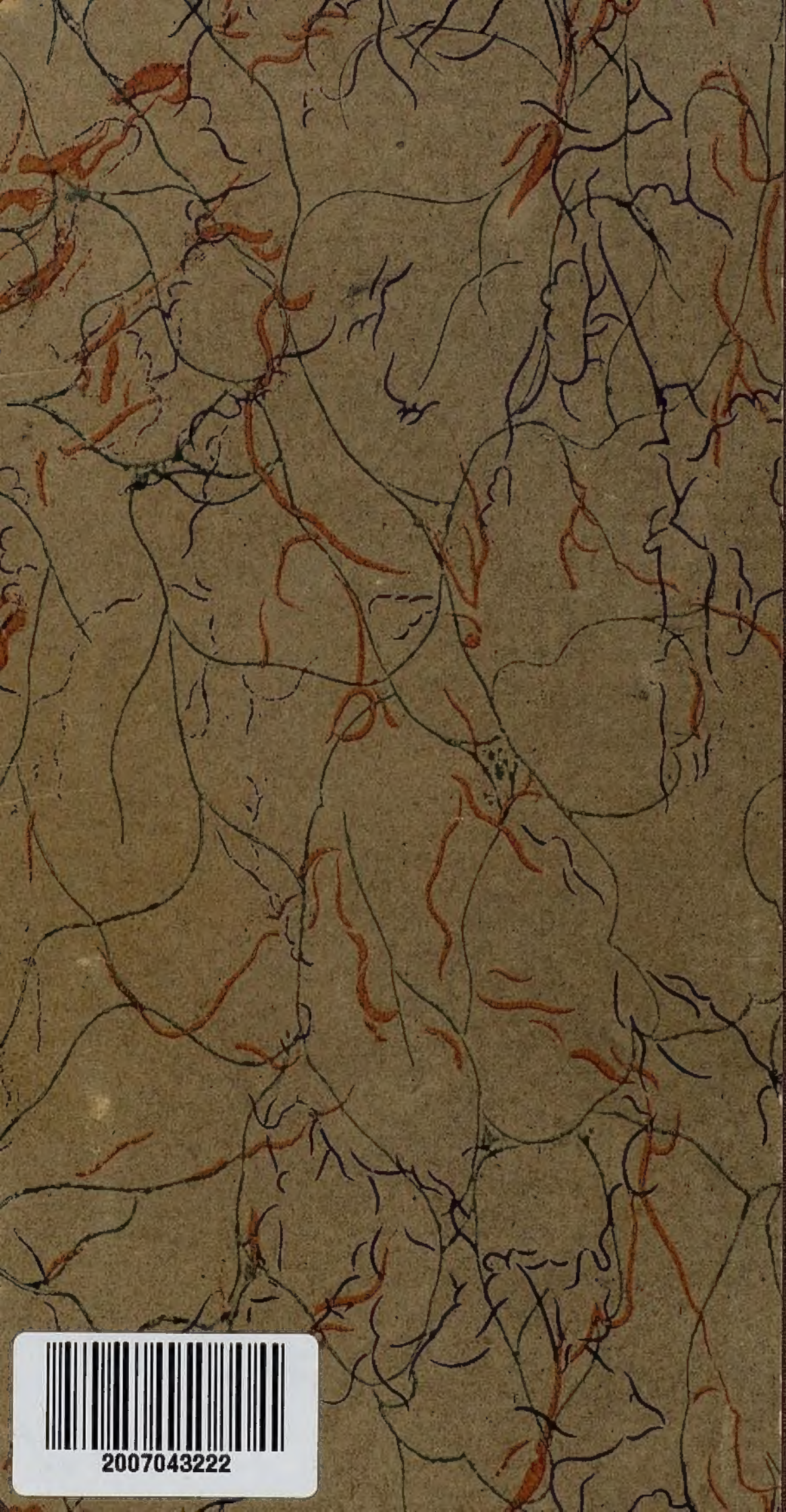
бовать отъ лицъ отдѣльныхъ физической работы и все болѣе и болѣе будетъ открывать имъ возможность предаваться духовному труду съ его душевнымъ наслажденіемъ. Итакъ, по закону преемства и наслѣдованія, каждое новое поколѣніе вступаетъ во всѣ права и въ обладаніе всѣми благами, добытыми отжившимъ; откуда произошло то явленіе, что напр. въ наше время бѣднѣйшій рабочій имѣетъ уже больше удобствъ, чѣмъ иные богачи временъ Креза, и несовершеннолѣтніе юноши обладаютъ часто развитіемъ и образованіемъ, котораго напрасно искали, если только предчувствовали, ученѣйшіе жрецы Египта. Вотъ почему называемъ мы общества творящими субъектами и вотъ почему необходима самостоятельность и самоуправленіе для обществъ.

В. Н. Лешковъ.

12 декбря 1871.

Дозволено цензурою. Москва марта 18 дня 1872 года.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.



2007043222